

Виктор Кротов

Сегодняшний язык вечности

Свободные трёхстишия

Виктор Кротов

**Сегодняшний язык вечности.
Свободные трёхстишия**

«Издательские решения»

Кротов В. Г.

Сегодняшний язык вечности. Свободные трёхстишия /
В. Г. Кротов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833092-6

Вечность, в каком-то смысле, — символ общей устремлённости поэзии. Но символ, особенно значительный для жанра трёхстиший. Небольшое словесное пространство, свойственное свободному трёхстишию, побуждает к углублённости смысла, концентрации образа, музыкальности фразы. Вечность — неуловимое понятие. Никто из нас не обладает каким-либо стопроцентным знанием о ней, но мне кажется, что всякий человек полон намёками на её существование, на её причастность к нашей жизни.

ISBN 978-5-44-833092-6

© Кротов В. Г.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Люди	7
Рядом с отцом	11
На свидание	12
Яvas	13
В поселковом клубе	14
Комната номер 4	15
Шмон	16
Двухтысячная осень	17
1. Конец сентября, октябрь	18
Утро. Дорога от метро	18
Осенний мотив	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сегодняшний язык вечности Свободные трёхстишия

Виктор Гаврилович Кротов

© Виктор Гаврилович Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-3092-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**На обложке картина Валерия Каптерева:
«Солнце над Крымом».**

От автора

Несмотря на то, что трёхстиший набралось довольно много, каждое из них становилось для меня отдельным событием. Иногда таких событий не случалось по несколько месяцев. Иногда они обрушивались лавиной. Бывало и так, что на какой-то период трёхстишия становились самостоятельным языком мировосприятия. В этой книге представлен один из самых цельных периодов такого рода. Но к нему добавлены и циклы из других времён моего тридцатилетия трёхстиший, так что мы ещё раз прогуляемся по нему целиком.

Наивно и самуверенно было бы считать любое своё трёхстишие написанным языком вечности. Это лишь символ общей устремлённости поэзии. Но символ, особенно значительный для данного жанра. Небольшое словесное пространство, свойственное свободному трёхстишию, побуждает к углублённости смысла, концентрации образа, музыкальности фразы.

Вечность – неуловимое понятие. Никто из нас не обладает каким-либо стопроцентным знанием о ней, но мне кажется, что всякий человек полон намёками на её существование, на её причастность к нашей жизни.

Люди

Трёхстишие – не описательный жанр. Если люди для нас – «они», то мы будем разглядывать их холодно и отстранённо, даже если в нас и шевелится какое-то сочувствие. Если люди – это «мы», то всякая человеческая судьба воспринимается как часть общечеловеческой судьбы, а значит и нашей собственной. И тогда общение с каждым человеком подводит нас к сегодняшнему языку вечности.

Здесь собраны стихи 1973—1992 годов. Но это ведь тоже – как один день...

* * *

Уносимые одним течением
надолго ли мы рядом,
бросив свои вёсла?

* * *

Улыбнись старику.
Погрусти с ним.
Предложи партию в шахматы.

* * *

Удивляемся, что нас не любят,
и – вне себя от удивления и восторга,
кого-то полюбив.

* * *

Своим взглядам – как балованным детям —
мы позволяем
куда больше, чем самим себе.

* * *

Погрузился в презрение.
И стал беднее сороки,
радующейся всякому блеску.

* * *

Только б не быть мне открывателем закона
о том, что любовь
обратно пропорциональна квадрату информации.

* * *

Нас толкают, калеча, друг к другу,
а мы вырываемся.
Чтобы идти рядом.

* * *

У кого «люблю» звякает разменной монеткой.
Кто знать не знает этого слова.
А для кого это дыхание полной грудью.

* * *

Да нет, вовсе не за праздник.
За вас, мои милые,
с кем дадено его встретить.

* * *

Чем намагнитить сердце,
чтобы научить его поворачиваться
к полюсу несчастья?

* * *

Где ты?.. Где ты?..
Где ты?.. – Зов неприкаянных,
где второе слово важнее первого.

* * *

Мои детишки, мои любимые,
хочется научить вас любви —
и стать счастливым учебным пособием.

* * *

Сказать... да любую пустяковину...
и услышать в ответ неважно что...
В ответ! в ответ!..

* * *

Горе грубо и нетерпеливо бросает друг к другу.
Но ласковая зыбь разносит в стороны

и укачивает каждого по-своему.

* * *

Телефон звенит и звенит.
Всё равно кто... Всё равно зачем...
А если из прошлого? если из будущего?

* * *

Кто как, а я с умилением взираю
на романтиков, с умилением взирающих
на два сросшихся дерева.

* * *

Наш пещерный, косматый мир!
Где достаточно быть рядом,
а быть вместе – что это такое?

* * *

Танец приходов и уходов...
Признайся, когда ты счастливее:
когда входишь в свой дом или выходишь?

* * *

Страсть играет в любовь,
самозабвенно и пылко играет в рабство,
мечтая стать рабовладельцем.

* * *

Свет полон несусветных соответствий.
И суетливых стараний
свести их воедино.

* * *

Самое странное слово: «мы» —
для разъединённых фальшивое,
для соединённых лишнее.

* * *

Страшно ничего не ждущему.

Страшно ожидающему всего.
Они так боятся друг друга.

* * *

Узаконенность чувств унизительна, если
немножко веришь в законы
и немножко не доверяешь чувствам.

* * *

Безответная любовь
так безответственна,
а кто за неё в ответе – неясно.

* * *

По ночному пространству
стежки электрички,
сшивающей лоскуты пространства и времени.

* * *

Верно ли – не предавать предавшего,
надеясь, что он изменит своей измене?
Или лучше подальше, чтобы не заразиться?..

* * *

Белая ночь разводит мосты
и сводит людей, глядящих в небо.
Волнуется – и брызги стекают по граниту.

* * *

Расставлять точки над «i» просто,
если они чистые и не скользкие.
А иначе умаешься.

* * *

Ощутить себя остриём иглы,
сшивающей лоскуты жизни.
Проникать, чтобы соединить.

Рядом с отцом

Отец мой, Гавриил Яковлевич Кротов, был самобытным и активным педагогом. Логика советской эпохи загнала его в лагерь на семнадцать с половиной лет. Даже когда он вышел, лагерь снился ему до конца жизни. А мне до сих пор помнятся наши свидания: трое суток в году, на протяжении которых мы пытались восполнить то общение, которого нам обоим не хватало.

Среди стихов этого цикла есть и написанные в 1974 году, когда до освобождения отцу оставалось ещё два года, и в 1988 году, когда уже прошло несколько лет после его смерти.

На свидание

Он рядом – родной мой попутчик.
Его взгляд и рука – со мной,
на пути к нему.

* * *

В трёхвагонном поезде, как в ковчеге:
кто на свидание, кто на службу, кто отсидел.
Общее дыхание – узорами на стеклах.¹

¹ В трёхвагонном поезде – тогда от Потьмы до Яваса ходил такой местный поезд.

Яvas

Это ж надо – какое название!
Как было бы смешно,
если бы не дорога – от лагеря к лагерю.²

* * *

Вышки, овчарки, охранники.
Горы паутинной проволоки у забора.
Тихо, как в деревне.

² Яvas – посёлок, в окрестностях которого было несколько лагерей. Лагеря были направо и налево от ведущей к нему железной дороги.

В поселковом клубе

*Стены этого клуба разрисованы отцом
по мотивам русской истории.
Меня привёл туда приветливый замполит.*

Не осталось даже пустого простенка,
где кто-нибудь когда-нибудь нарисовал бы
тебя с красками – под конвоем.

* * *

Мордовский мороз, колючая проволока.
Радио разносит по бараку
вольнолюбивую поэзию декабристов.

* * *

Встреча двух болтливых сверчков
в квадратной раковине
внимательного уха.

Комната номер 4

Накурено и жарко.
Но эти светлые глаза
несут свежесть и ветер.

* * *

Громадную яичницу с салом
пододвигает ко мне исхудавшая рука.
– Ешь, сынок, а я посмотрю.

* * *

Тroe суток на свидание с отцом.
Он – год готовился.
Мне – год вспоминать и обдумывать.

* * *

Столько порассказано, что не хочется жить.
Не хочется жить просто так.
Только по-настоящему.

* * *

Ты оторвал карман от полосатой куртки
и протянул мне – на память.
На память о том, чего не забыть.³

³ Полосатая куртка – в полосатой одежде ходили заключённый лагерей особо строгого режима.

Шмон

Снимаю сапоги, разматываю портянки.
Что они ищут? чего боятся?
В какой я стране? в какой эпохе?⁴

* * *

Иду от лагеря по узкоколейке.
Вокруг зимний лес, тьма и безлюдье.
Здесь уже не страшно.

* * *

Падают снежинки дней и недель.
Пушистые сугробы воспоминаний
о часах и минутах зимней встречи.

⁴ Шмон – обыск. Точнее, «личный досмотр», когда прощупывали всё, что с тобой и что на тебе.

Двухтысячная осень

Как легко догадаться, все эти стихи написаны осенью 2000 года. Дело не в магическом обаянии числа с тремя нулями, а в том, что именно тогда у меня вдруг оказалось свободным (от другой сочинительской деятельности) время ходьбы от дома до метро и от метро до работы. И оно оказалось временем для свободных трёхстиший.

1. Конец сентября, октябрь

* * *

Тёплый взгляд сентябрьского солнца.
Жаль, подмигивать не умеет.
А вот я ему подмигну.

* * *

Он так любил собак
за несказанную радость —
пройти мимо неукущенным!..

Утро. Дорога от метро

Нежусь под последним солнышком,
как философичный пёс
(правда, бегущий на работу).

* * *

Можно пройти короче:
через поле, где мальчишки гоняют мяч,
среди пыли и ругани.

* * *

Золотистая погода.
Солнечный мостик от сентября к октябрю.
Подарок нам – как и всё остальное.

Осенний мотив

Стая солнечных листьев
долго летала надо мной,
поднята порывом ветра.

* * *

Седина осеннего инея
на зелёной траве,
готовой пережить и зиму.

* * *

Как мягко ходить нам
по тем прекрасным листьям,
которыми вчера любовались.

* * *

Эх, туман перед глазами...
Да и вообще туман...
Ах, как необычно!...

* * *

Вот это туманище!..
Ходим в облаке,
как небожители.

* * *

Золотые фонарные лампы.
Золотые листья.
Зал осенних прогулок.

* * *

Идём с дочкой по ипподрому,
вдыхая запах конюшен,
улыбаясь конюхам и лошадям.

* * *

Ниная метеослужба не угадает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.